

НАТАЛЬЯ СПЕХОВА

Вот попали!

Упал. Очнулся. СССР.

КАК ВЫИГРАТЬ В ИГРУ, ПРАВИЛА КОТОРОЙ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ?
ОНИ ИСКАЛИ ДВЕРЬ ДОМОЙ. НЕ ПОДОЗРЕВАЯ, ЧТО ДВЕРЬ
УЖЕ ОХОТИТСЯ ЗА НИМИ

Наталья Спехова

Вот попали!

«РИПОЛ Классик»

2026

УДК 821-93:087.5
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Спехова Н. В.

Вот попали! / Н. В. Спехова — «РИПОЛ Классик», 2026

ISBN 978-5-386-15637-4

Драка на лестнице – это глупо. Особенно если влететь в дверь и оказаться... в школе 80-х. С пионерами, трудовым воспитанием и полным отсутствием вайфая. Ваня и Саша паникуют: как жить без телефона и гироскутера? Но вернуться оказалось легко. Гораздо страшнее другое: дверь в прошлое начала охотиться за ними. Она выскакивает из ниоткуда, затягивая друзей в советские уроки, пожары и даже в багажник автомобиля. В прошлом всё серьёзно: за грубость можно застрять навсегда, а за настоящий поступок – обрести себя. Смогут ли одноклассники найти выход, когда на кону не только их возвращение, но и судьба девочки, в которую влюбился Саша? Повесть для детей среднего школьного возраста, семейного чтения.

УДК 821-93:087.5
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-386-15637-4

© Спехова Н. В., 2026
© РИПОЛ Классик, 2026

Содержание

1	7
2	12
3	18
4	25
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Спехова

Вот попали!

*Посвящается детям восьмидесятых,
которые бегали по дворам до темноты,
и детям, которые гуляют по интернет-пространству.
Пусть эта книга станет для вас мостиком
между прошлым и настоящим.*

РИПОЛ ОСТ

© Спехова Н.В., 2026

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2026

1

Вдруг бац! И темнота

– Не хочу идти на математику, – зевнув, сказал Ваня и подхватил портфель.

Но Ольга Петухина осадила:

– А кто сбежит домой, тому два поставят.

Для внушительности Ольга потрясла самодельной ведомостью, в которую она записывала прогулы и опоздания, чтобы потом отчитаться перед классной.

Два года назад Петухина перевелась из другой школы и сразу превратилась в старосту класса. Так удобно: всегда на виду и легко пробраться в любимчики. Правда, не со всеми учителями стратегия работала. Например, с информатичкой отношения не ладились, хоть лопни. А уж от одноклассников Ольке за вредность и принципиальность доставалось постоянно. Да, она за справедливость: забыл учебник – учитель должен знать, опоздал – в ведомость. Это честно. Ничего, она всем покажет!

– Тошная ботаничка, – фыркали мальчишки.

Ольга лишь поправляла большие круглые очки и с гордым видом отворачивалась.

– «Два поставят», – передразнил Ваня. – Я просто не люблю математику.

– Сейчас не математика, сейчас информатика, – напомнил ему Матвей.

– Опаньки. А я не взял.

Ваня вздохнул и поплёлся на урок. Он частенько забывал учебники, и мама его называла безответственным. Видимо, так и есть.

– А что нового могут сказать нам на этой информатике? Мы дома за компьютерами до ночи сидим, – прыснул Сашка Лопаткин.

Зря он это сказал. Матвей тут же включил режим «энциклопедия»:

– Хм, думаешь, всё знаешь? Ну скажи, когда, например, была зарегистрирована первая в СССР электронная вычислительная машина.

– Да откуда я знаю? У нас и не было своих, наверное. Ну, или году в десятом.

– Неа, в 1948 году.

– Да ладно? – искренне удивился Лопаткин.

– Да. Информатика. Уроки – это скучно, если нет связи с жизнью, – заметил Матвей и подкинул новый вопрос: – А вот знаешь, что такое спам?

– Да кто не знает? – хмыкнул Сашка.

– Многие. Давай на спор: после урока опрос проведём и поймём, кто знает, а кто нет?

– Так легко же, это массовая рас...

Матвей схватил его за рукав:

– Нет. Не туда думаешь. После уроков. Договорились?

– Ладно.

Матвей догнал Ивана. Они дружили с первого класса и даже были похожи: темноволосые, оба играли в танчики, мечтали стать программистами и ходили в качалку. Они не были заядлыми спортсменами, но игра «сколько раз сегодня отжал» занимала их больше года. Отличались мальчишки темпераментом: один флегматичный философ, второй заводной пофигист-интеллектуал.

Матвей сегодня щеголял в белом бомбере и чёрных джинсах, то и дело подмигивал девочкам, а те хихикали, смущаясь нахального брюнета. По его голубым глазам полкласса вздыхало.

– Ваня, я в раздевалку – ключи в кармане забыл, – толкнул он друга.

Ваня кивнул и почему-то глянул на стенд с фотографией класса. Его внешность бросалась в глаза – Ваня с детства был смуглым, у мамы до сих пор интересуются, где так загорел сын. Внешне – копия папы: те же карие глаза, черты лица, походка. Только чернявый. Говорят, в прадеда. Именно благодаря этой особенности его всегда и везде запоминали – не скрыться.

– А где мои ключи? – Ваня хлопнул по карманам брюк. – В толстовке? Нет. В рюкзаке?

Он пошарил среди учебников – пусто. Вот они, прелести свободной формы, – карманов полно, ничего не найдёшь. Видимо, из костюма не переложил. Сегодня экскурсия, вот и пришли кто во что горазд.

Ваня любил просторную и удобную одежду: толстовка побольше и поярче, брюки пошире и покарманистей, а лучше камуфляжные, кроссовки с амортизацией. Главное, талисман не забывать. Он всегда носил брелок со знаком бесконечности. И сегодняшнее красное худи украшал тот же знак. Ваня сам не знал, чем он его привлекает, но глазами исподволь всегда искал в окружающем лежащую восьмёрку. Но сейчас вместо восьмёрки он вдруг упёрся взглядом в птицу. Перед носом возник Сашка в нелепом свитшоте с огромным индюком во всю грудь.

– Нравится? – с надеждой спросил он.

Ваня пожал плечами.

– Неожиданно. Почему индюк?

– Какой индюк? – возмутился Лопаткин. – Это Жар-птица, тотем! Рисовали на заказ.

– Что это? – удивился Ваня. – Не похоже.

– Ваня, ты дурачка-то не включай, всё ты знаешь, – обиделся Лопаткин и плюхнулся за парту. Ему жуть как хотелось произвести впечатление, а тут почти индюком назвали. Тотемами Сашка не увлекался, просто узнал, что Жар-птица – символ его года рождения по славянскому календарю, вот и решил покрасоваться. Не вышло.

И почему его всерьёз не воспринимают в классе? Он покрутил широкий кожаный браслет на запястье, пытаясь успокоиться. Лопаткин так всегда делал, когда нервничал. С обратной стороны наручника был выбит маленький динозаврик. Сашка с детства интересовался динозаврами, знал всех наперечёт. Сейчас он не ребёнок, засмеют, поэтому свою любовь прятал от посторонних глаз. Хотел затмить птицей, не вышло. Всю жизнь ничего не выходит.

Ваня, топчась на месте и продолжая шарить по карманам в поисках ключа, пробормотал:

– Умел потерять, умею и найти.

Лопаткин, конечно, принял фразу на свой счёт и опять надулся. А потом поразмышлял и решил: он и правда потерял уважение. Или его и не было? Саша пригорюнился и поплёлся в коридор.

В этот момент в кабинет влетел Матвей и кинул удивлённому Ване связку ключей.

– Держи. В раздевалке нашёл, – хмыкнул он и приземлился рядом. – Там их несколько штук валялось. Кто-то с дверями забавлялся.

В доказательство он выудил свой ключ и показал царапину.

– Чего несколько? С какими дверями? – не понял Ваня.

– Связок ключей. Навытаскивал кто-то из карманов и в замочную скважину примерял. Малышня, наверное. Естественно, не подошли, всё и выбросили на пол.

– Бред какой-то, – Ваня насторожился, и, кажется, не зря.

– Вань, может, уйдём сегодня с экскурсии? – перевёл разговор Матвей, вспоминая, что после уроков у них классный час, посвящённый истории района.

– Как-то рискованно уходить. Кстати, говорят, на месте школы раньше аэродром был. Военный. Ты знал?

– Неа, – удивился Матвей. – Серьёзно? И что, его асфальтом закатали и домиками заставили?

– Без понятия. Экскурсовод, наверное, знает.

«Хм, иногда история тоже бывает интересной», – друг вскинул брови, но ответить не успел.

– Маргоша идёт! – крикнул Сашка и рванул за парту, сбив с ног одноклассницу. Та грохнулась, ударилась о парту и всхлипнула от боли. Вечно этот Сашка толкается, а возмутиться – себе дороже.

В кабинет вплыла Маргарита Степановна, статная высокая женщина с неизменным пультом в руке. Несмотря на строгий вид, она не любила формальности и могла запросто поболтать и пошутить с учениками. Но сегодня кто-то растоптал настроение. Она кинула пульт на стол, прошлась по классу и раздала листочки для проверочной работы. Класс обречённо вздохнул.

Погода за окном дрогнула. Только что сквозь шторы в кабинет рвалось полуденное солнце, выманивая на улицу, но за считанные минуты навалились тучи и перекрыли дыхание. Хотелось распахнуть окно и выветрить напряжение. Ольга, глянув исподлобья на информатичку, нервно дёрнула ворот, и от него тут же отлетела пуговица. Девочка ойкнула, но поднять не посмела.

– Это на весь урок? – выкрикнул Игорь. Он готов был хоть под ливень сбежать, только подальше от контрольной.

– На какой урок? Тут пара заданий, не больше десяти минут на всё про всё, – вздохнула учительница и завела таймер.

Ребята зашушукались и зашелестели листочками – невелика радость писать самостоятельную, хоть и у справедливого учителя. Кто-то напряг лоб, вспоминая материал, кто-то нервно откинул ручку, а Игорь, как заправский иллюзионист, извлёк из ниоткуда шпору и принялся самозабвенно списывать.

Вдруг раздался голос Петухиной:

– А некоторые шпаргалками пользуются! – Ольга ткнула пальцем в одноклассника.

Учительница почему-то не среагировала, а одноклассники презрительно шикнули. Пришлось вымучивать контрольную под хмурыми взглядами.

Через десять минут Маргарита Степановна собрала листочки и велела читать новый параграф. А сама углубилась в проверку. Но ненадолго.

– Та-а-ак! – прогремел её голос. – То есть никто не выучил? Я просмотрела половину работ: из них одна четвёрка, две тройки, остальные – двойки.

Ребята возмущённо загудели, а Матвей философски изрёк:

– Жизнь, как кубик Рубика: одну сторону собрал, на остальных – бардак. Всё не успеть.

– А у кого четвёрка? – икнув и поправив очки, решила уточнить Ольга.

Маргарита Степановна покосилась на отличницу и со вздохом ответила:

– У тебя, дорогуша.

Дорогуша фыркнула и отвернулась к окну. Не больно и нужна эта информатика, глупость, а не предмет. У неё по всем остальным пятёрки, этого достаточно. Но соорудить безразличие не получилось, губа дрогнула, коварная слеза мелькнула на щеке. Оле захотелось выскочить из кабинета, забраться в самый дальний угол – куда-нибудь за кадки с пальмами – и зареветь. За что её так? Почему Маргарита Степановна её не любит? Или ей кажется? Не кажется, не кажется. Четвёрка? Да и ладно. Но за что такое пренебрежение? Это больно. Обидно. Она ведь старается, учит. Даже выпросила у родителей новый компьютер.

Повторный окрик учительницы выдернул Ольку из терзаний.

– Думаете, если основная программа не началась, так можно не делать? – продолжила Маргарита Степановна. – Мой предмет нынче самый актуальный. Вы никто и никуда без информатики, – повысила она голос.

Обвела детей раздражённым взглядом и добавила:

– Хорошо, раз никто не готов, открываем предыдущую тему и учим. В конце урока выборочно спрошу.

– А мы за компьютеры когда-нибудь сядем? – выкрикнул Сашка, вальяжно развалился за партой. – Или будем только ваши учебники читать?

– Думай, что говоришь! – взъелся Игорь и буркнул под нос: – Маргоша – золотой человек.

– Ты что себе позволяешь, Лопаткин? Встал. Подошёл ко мне. К директору, – отчеканила Маргарита Степановна. – Остальные учат.

– Нда, наш Саня свободно разговаривает на русском, английском и на других уроках тоже не заткнуть, – буркнул Матвей. – Опять на рожон лезет.

Поникший Лопаткин вместе с Маргаритой Степановной скрылись за дверью, остальные отбросили книги. Кто же будет заглядывать в учебник, если учителя нет в классе? Никто. Есть занятия поинтересней. Из угла кабинета полетел бумажный самолётик с запиской. Кто-то крикнул:

– Лови!

Но никто не обратил внимания – телефоны моментально проглотили одноклассников.

– Какие все скучные, – фыркнул тот же голос.

Снова никакой реакции, лишь телефоны в руках. И только староста усердно штудировала параграф – кому-то ведь придётся отвечать.

Но отвечать не пришлось. Сашку продержали у директора до самого звонка, вернулся он злой, как доберман, которому аппетитной косточкой дали по голове вместо угощения. Он запнулся, налетел на тихого Костика, в отместку пихнул его в бок, словно Костик виноват, выхватил у него ручку и зачем-то переломил.

– Лопаткин, – окликнул одноклассника Ваня, – а ну извинись. И ручку свою дай Косте.

– Иди ты! – огрызнулся тот и выскочил из кабинета, прихватив рюкзак.

– Я-то пойду, а ты извинись, – ответил упрямый Ваня, догоняя одноклассника на площадке.

Сашка резко развернулся и ошетинился:

– Ты ничего не попутал?

Хрясь, и в плечо! Иван покачулся, но лямка рюкзака поймала перила и удержала. Тут следом выскочили одноклассники и ребятня из начальной школы, какой-то малец налетел на Ваню, тот на Сашку, они сцепились и покатались вниз по лестнице. А-а-а-а! В пролёте задели

угол, мягко приземлясь на портфели, но Сашке показалось, что Ваня его ударил, он дал сдачу, и опять покатались вниз. Вдруг бац! Удар. Темнота.

«Сотрясение и обморок?» – мелькнуло в голове у Вани, и всё померкло.

2 Где мы?

– Сотрясение и обморок, – уже вслух сказал Ваня, открыв глаза.

Рядом лежал скрюченный Сашка Лопаткин и постанывал, натирая лоб. Они же подрались! Точно...

– Это ещё что такое? – вдруг прогремел сверху голос.

Мальчишки на мгновение замерли, а потом резко вскинули головы.

– Попали, – буркнул Санька.

Над ними возвышалась женщина с седым пучком на голове, облачённая в начальственный серый костюм какого-то старомодного кроя. Девочки бы сразу отметили: прямая юбка с двумя складками на боку и приталенный пиджак с отложным воротником. Для мальчишек – просто странная одежда.

– Я ещё раз повторяю вопрос: вы кто такие?

– Смирнов и Лопаткин, шестой бэ, – привычно отрапортовал Сашка, постоянно влипающий в истории.

– Какой бэ? Что вы мне мозги пудрите? У нас в шестом классе всего пятнадцать человек.

Мальчишки, до этого момента лежавшие в оцепенении у ног женщины, вскочили и осмотрелись.

– Как пятнадцать? – Ваня нервно сглотнул и даже пошатнулся.

Сашка схватил одноклассника за локоть и пробормотал:

– Мы вообще где? И почему так одеты?

Ваня ошарашенно пожал плечами. Строгая женщина подозрительно рассматривала мальчишек.

– Вы вообще в школе! Но кто вы такие? И откуда взялись? Новенькие? Городские?

– Городские, – хором ответили те.

Они искоса поглядывали друг на друга и по сторонам, ничего не понимая. Оба одеты в тесные синие костюмы с шевроном на плече и белые рубашки, оба в красных галстуках, но ноги обуты в привычные кроссовки, а рядом валяются знакомые рюкзаки. А помещение? Деревянная лестница, деревянный пол, лиственнично-зелёные стены и печь! Настоящая белая печь. И это школа?

– Раз городские, то всё понятно. Дисциплины никакой, – зыркнула на них женщина. – Я директор. Меня зовут Елена Геннадьевна. Вы, по всей видимости, ко мне катились, новенькие?

Мальчишки кивнули. А что ещё тут скажешь?

– Почему клубком?

– Так вышло, извините, больше не повторится, – промямлил Ваня.

– Конечно, не повторится, – хмыкнула Елена Геннадьевна и распахнула дверь. – Проходите в кабинет, заполним документы. И почему без родителей?

– На работе они.

– А какие документы? – вытаращился Лопаткин, не торопясь заходить в кабинет. – У нас нет документов. Только проездной.

– Что ещё за проездной? – директор тряхнула головой и седой пучок удивлённо съехал набок. – У нас не водятся проездные.

– Елена Геннадьевна, – услышала она рядом и обернулась.

К ним направлялся самый настоящий милиционер – обычный былинный богатырь с добрыми серыми глазами. Мальчишки ошалело ждали, что будет.

– Елена Геннадьевна, из города ориентировка пришла, двое мальчишек странного вида... Вы не встречали?

– Похоже, встречала. Не они? – кивнула на Смирнова и Лопаткина Елена Геннадьевна.

– Видимо, – расплылся милиционер в простодушной улыбке. – Здорово, ребята. Ну, рассказывайте: кто, откуда, как?

– Мы не помним, – нашёлся Ваня и сделал слезливое лицо, а Сашке шепнул: – Странное совпадение. Подыгрываем.

Тот затравленно кивнул.

– В смысле, не помните? Амнезия, что ли? – милиционер сочувственно сморщил нос.

Ваня пожал плечами, мол, откуда нам знать.

– Мда... И что делать?

– Как что? В больницу, Николай Ильич! – воскликнула директриса. – Лечить бедных детей. Вы только посмотрите на них. А я-то думаю, что они по коридору кубарем катаются? У нас уроки идут, а они драку затеяли. Никогда такого безобразия не видела. Да ещё и в дверь к самому директору головами бьются.

Николай Ильич почесал затылок:

– Головы-то болят?

– Нет! – испуганно выкрикнул Санька, Ваня только замотал головой в знак согласия.

– Давайте-ка временно ко мне. Невролога у нас пока нет – в санатории он, обследовать некому. Поживёте у меня, авось вспомните что-то. Потихоньку родителей начнём искать.

Елена Геннадьевна недоверчиво посмотрела на сотрудника милиции, а Сашка вжался в стену. Жить у полицейского? Ой, у милиционера. Только не это. Вот попали!

– Да вы не бойтесь, я дядька мирный. Дети у меня выросли, живу один с кутейкой.

– С кем?

– С котом. Рыженький такой, маленький. Вам поваднее будет. Давайте, Елена Геннадьевна, оформим пострелят в школу, пусть пока учатся. А то потом как догонять материал?

Директриса неуверенно кивнула и пригласила всех в кабинет. Мальчишки испуганно озирались. Над директорским столом висел непонятный портрет. Сашка толкнул локтем одноклассника и спросил, пока взрослые что-то заполняли:

- Это ещё кто?
- Ленин, кажется, – неуверенно ответил Ваня.
- Это который первым президентом был? – Сашка напряг лоб.
- Смирнов удивлённо глянул на Лопаткина и закатил глаза.
- Каким президентом? Вождь мирового пролетариата. Коммунист. Вон, смотри, знамя красное в углу.
- Точно, – сглотнул Сашка.
- Исторический экскурс неожиданно прервал Николай Ильич:
- Вас, детвора, зовут-то как?
- Иван Романович Смирнов и Александр Егорович Лопаткин, – ответил за обоих Ваня.
- А какого года? Семьдесят шестого или семьдесят пятого?
- Две тысячи четырнадцатого, – отозвался Сашка, даже не сообразив, что варианты предлагали другие.
- Ваньку валять переставай, – отмахнулся милиционер. – Пишите семьдесят пятый год, ежели что, поправим, спишем на амнезию.
- Смирнов наклонился к однокласснику и шепнул:
- Молчи, индюк.
- Не индюк, а Жар-птица. Неужели не похоже? – огрызнулся Сашка, но тут же понял, что сморозил и хмыкнул, а затем кивнул в сторону милиционера.
- Тот снял фуражку и вытер пот со лба. Голова его оказалась усыпана мелкими соломенными кучеряшками.
- Мальчишки фыркнули, но мигом прикрыли рты и сделали серьёзный вид. В дверь раздался стук и втиснулась веснушчатая физиономия:
- Елен Генадьна, а матика будет? – поинтересовалась задорная физиономия.
- Бубликов, всё будет. Ждите в классе, – глянула из-под очков директриса.
- Бубликов тут же скрылся, а мальчишки переглянулись.
- Видел? – шепнул Ваня.
- Тоже галстук? – уточнил Сашка. – Может, мероприятие какое?
- Нет, – Смирнов покачал головой. – Это пионер. И мы теперь пионеры.
- А можно выйти? – неожиданно огорошил Лопаткин. – Нам обоим.
- Его посетила гениальная идея.
- Только бегом, – отозвалась Елена Геннадьевна. – В конце коридора направо.
- Ребята выскочили из кабинета, захлопнули дверь и замерли. Вокруг носились мальчишки в таких же, как у них, синих костюмах, а в уголке стояли девчонки в черных платьях с белыми воротничками и в фартуках, прямо как на последнем звонке. Но главное – все в галстуках!
- Клуб пионеров? – предположил Сашка.
- Год пионеров, – хрипло откликнулся Ваня. – Это ты хорошо придумал с «выйти». Эй, мальчик, а какое сегодня число? – поймал он малыша за руку.
- Девятое сентября. Не знаешь, что ли? – оскалил он беззубый рот, оглядел собеседника и вытаращился на кроссовки. – Как на маскарад оделся.
- А год? – не обращая внимания, продолжил допрос Ваня.
- Мальчишка закатил глаза.
- Издеваешься? Девятое сентября тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года, – вырвался и умчал в темноту зелёного коридора.
- Слышал? – Иван победоносно глянул на одноклассника.
- Розыгрыш, – неуверенно предположил Сашка. – Какой-то продуманный и дорогой розыгрыш. Точно! Мы попали в поле зрения крутого блогера!
- Не думаю, – Смирнов покачал головой. – Идём на улицу.

Мальчишки выбрались на свежий воздух в надежде увидеть подтверждение идее розыгрыша. Но ни высоток, ни машин в округе не было. Лишь неуклюжее серое здание деревянной школы, рядом ещё пара похожих домов, со всех сторон заросли кустов сирени, а за кустами одноэтажная кирпичная постройка такого же непонятного назначения. Вдруг вдалеке раздался рёв мотора. Ребята рванули к дороге.

– Слышишь? – орал Сашка. – Я ж говорил – розыгрыш!

Глаза у обоих сияли, дыхание сбивалось от радостного ожидания, но тут на ухабистой трассе показалась разбитая легковушка советского автопрома, а за ней гремящий грузовик с длинным носом.

– ЗИЛ, – удручённо вздохнул Ваня. – И копейка. У нас на соседской даче такая второй год загорает.

– Может, ещё появятся? – Лопаткин в надежде вглядывался в горизонт. Но за деревьями терялись лишь облака.

– Не появятся. Мы в прошлом.

Сашка вмиг потух, от отчаяния внутри всё сжалось. Но он взял себя в руки, мрачно покосился на товарища и затеребил браслет.

– Успокоиться хочешь? – хмыкнул Ваня.

– Хочу.

– Так успокойся. Бесконечно нервничать невозможно.

Иван поправил галстук, развернулся и пошёл к школе. Трасса принесла лишь разочарование. Как ни крути, а дорога домой не здесь, а в этом старом здании. Дверь домой где-то внутри. Сашка побрёл следом, в его голове не хватало пазлинок: что это за прошлое такое?

А в школе их ждал сюрприз.

Сашка сунул руку в карман брюк, вспомнил, что он в школьном костюме и неожиданно завопил:

– Телефон!

– Что телефон?

– Позвонить. Интересно, ловит здесь связь?

Он влетел в кабинет директора, кинулся к рюкзаку и стал судорожно шарить по карманам. Елена Геннадьевна и Николай Ильич удивлённо подняли головы от бумаг. А Ваня неожиданно вынул свой телефон из брюк (откуда он в них?) и разблокировал экран: ноль делений. Безнадёжно. Он тут же сунул его обратно, чтоб никто не заметил. Сашка наконец тоже нашел трубку и разблокировал трясущимися руками – соединения нет.

– Чёрт! – громко выругался он, забыв, что рядом директор и милиционер.

– Это ещё что такое? – вскочила Елена Геннадьевна. – Ты что себе позволяешь, Александр?

– Ой, сори. То есть, извините, я просто испугался.

– Что ты испугался? – не понял Николай Ильич и насторожился.

– У меня это, как его, память прорывается, – заикаясь, пробубнил Лопаткин.

– Лопаткин, ты сдурел? – процедил Ваня, хватая его за рукав.

Но милиционер на то и милиционер, чтоб реагировать быстро:

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай.

– Да чего рассказывать? Мелькнуло в голове, будто я в квартире на пятнадцатом этаже у окна стою, – попытался выкрутиться Лопаткин. – А потом всё пропало.

– Пропало, говоришь? А в руках что? – Николай Ильич потянулся к телефону. – Заграничный диктофон или подслушивающее устройство? Юный шпион?

– Да вы что? – Сашка попятился.

– А это фотоаппарат такой, – нашёлся Ваня. – Саня, покажи!

Тот нервно заводил по сенсору пальцем, фотографируя вместо людей столы и стулья. Плюнул и отдал Ване. Одноклассник мигом щёлкнул Елену Геннадьевну и показал результат.

Иван Ильич присвистнул.

– Забугорная?

– Наверное, мы ж не знаем, – пожал плечами Смирнов. – Ему отец подарил на день рождения.

– Смотрите у меня. Увижу подозрительные приспособы, мигом за решётку, – пригрозил участковый.

– Так мы же дети, – Сашка растерялся. – Нас нельзя.

– Нельзя дырой заткнуть дыру. А вас в участок можно, – хохотнул милиционер, но, вздохнув, добавил: – И прошлое нельзя вернуть.

– Видимо, можно, – прошептал Ваня.

– Что ты там бубнишь? Покажи-ка, что у тебя в руках?

Как хорошо, что в руках он крутил брелок от ключей. Кого что успокаивало, а Ивана тот самый знак бесконечности.

– Ключи, – Смирнов погремел связкой, – ничего особенного.

– Лады, – согласился участковый. – Ещё проверю.

Мальчишки покосились на портфели, там компромата из будущего на неделю расспросов хватит. Да и связка утаила ключ от домофона явно не из этого мира. Надо срочно куда-то всё припрятать. Настроение у ребят испортилось окончательно.

В окно ударил порыв ветра, скинув охапку листьев с клёна. Толкаясь уголками, фигурные листья облепили стекло кабинета и приняли на себя первый осенний дождь: сонный и унылый.

– Тоска, – буркнул Сашка.

– Прямо как за окном, – согласился Ваня, но вдруг встрепенулся, в глазах заплесал лукавый бесёнок. – Слушай, а у нас приключение – обзавидуешься. Кому расскажешь – не поверят. В некотором роде, повезло.

– Угу, – скривился приятель.

– Я серьёзно. Будем играть в детективов, искать дверь домой.

– Так мы упали прямо под кабинет директора, – оживился Лопаткин. – Бежим!

И ребята рванули за дверь, оставляя опять в недоумении директора и участкового. Ненормальные дети, врачу бы их показать.

Выскочив в коридор, мальчишки переглянулись и давай хлопать дверью туда-сюда: авось получится выйти. Лучше бы они этого не делали...

Неслышно, как может только накачанный сорокалетний физрук, к ним подкралась катастрофа подросткового масштаба. Мальчишки взлетели вверх и повисли в воздухе.

– Ну, что, сорванцы и шалопаи, к директору зайти не решитесь? Так я вас провожу.

Физрук внёс мальчишек в кабинет, держа за шиворот, и поинтересовался:

– Елена Геннадьевна, что ж вы позволяете дверями хлопать?

Та лишь вздохнула.

– Они уже мне всё утро искалечили. Урок математики сорвали. Городские они, даже память потеряли. Да поставьте их уже, Пётр Павлович.

– Да, мы потеряшки!

Физрук встряхнул шалопаев и покачал головой:

– Ну нет. Я этим потеряшкам сейчас наказание дам: стайерский забег, а потом солнышко на турнике. Справитесь? – отпуская мальчишек, поинтересовался добродушный Пётр Павлович.

– Какой забег? – пробормотал Сашка, отдышавшись.

– Стайерский – три кэмэ. Ты будто недавно родился. Или в школе не учишься?

– Мы столько не бегаем, – Лопаткин огрызнулся.

Иван Ильич встрепенулся:

– О как! А к кому тут память вернулась?

Ваня закатил глаза: вечно этот индюк что-то ляпнет.

– Я не индюк, – обиделся одноклассник.

– Извини, а я что, вслух сказал? – изумился Ваня.

Лопаткин пожал плечами, мол, вроде нет. Странное здесь происходит, они уже мысли друг у друга читать научились. Дверь не только втянула их в прошлое, но и вытянула наружу то, что было скрыто внутри каждого.

– Пётр Павлович, – Смирнов состроил виноватое лицо, – мы больше не будем. Нас к врачу надо, мы не в себе. Вот и Елена Геннадьевна сказала, что нас показать медикам желательно.

Та энергично закивала, и её пучок снова не выдержал и упал набок. Она откинула ручку и тяжело вздохнула, глянув на участкового. Тот же заинтересованно наблюдал. Он чувал: здесь происходит что-то странное, это странное надобно разгадать. Дети не буйные, это точно. Они скрывают какую-то тайну. И узнать её он может, лишь взяв пацанов к себе домой.

– Вот что, Палыч, ты награду в три километра отложи на время. Ребятне костюмы спортивные купить полагается. Они с пустом пожаловали. Я им справлю костюмы, а там уж и одаришь баламутов пробежкой да солнышком. Лады?

– Лады, Ильич, – физрук хлопнул по руке участкового. – Только не пойму я, почему именно ты справишь? Родственники?

– Да какие родственники? Бедолаги они. А кто им поможет, как не родная милиция?

– И то верно. Под твою ответственность, – хохотнул Пётр Павлович и вышел.

Но напряжение в кабинете не спало: взрослые поглядывали на детей, дети косились на взрослых...

3

Пропаж

Детективчик вырисовывался знатный. В родном двадцать первом веке был сериал о том, как милиционер попал в восьмидесятые. Но история Сашки и Вани ещё заковыристее, тоже хоть сериал снимай. И пока взрослые снова углубились в документы, мальчишки забились в уголок пошептаться. Уж больше они не проколются, надо выработать правила, обговорить нюансы и придумать стратегию возвращения.

– Так, с этого момента, – зашептал Ваня, – никаких иностранных слов, никакого сленга.

– Это почему? – не сообразил Сашка.

– А ты не понимаешь? Они их не знают. Примут нас за шпионов. Уже намекнули, что похожи.

– А-а, ну да.

– Никому не показываем наши рюкзаки, – продолжил Ваня, но, посмотрев в стеклянные глаза одноклассника, решил пояснить. – Там вещи из нашего мира, их надо спрятать. И надо изучить историю 87 года.

– Это ещё зачем?

Смирнов аж зарычал от бессилия и раздражения:

– Ты совсем не соображаешь? Нам надо понимать, что вокруг происходит и как из этого выбраться. Поэтому нельзя вызывать подозрение. Чем больше задаём глупых вопросов про время, пионеров и прочее, тем больше к нам будет недоверия.

Лопаткин нехотя кивнул – не было печали, теперь какую-то историю учить, никогда он её не любил: питекантропы всякие, пирамиды.

– Ты нормальный? Какие питекантропы? Это 87 год! Обезьяночеловек жил семьсот тысяч лет назад.

– Так я же ничего не говорил, – испугался Лопаткин и отодвинулся от приятеля.

– Да? – Ваня приподнял бровь. – А подумал?

– Ну-у... да.

– Ясно, дверь открылась и в мысли тоже, – глянул исподлобья на Сашку и добавил голосом маньяка: – Я мысли научился читать, будь осторожен.

Ваня зловеще подмигнул, и Сашка поёжился. Это какой-то сюр, то есть сюрреализм, сленг придётся забыть. Или дурной сон. Надо ущипнуть себя. И как щипанёт бок!

– А-ай! – взвыл он от боли.

Ваня отпрянул, а взрослые подскочили.

– Так, хватит! – рявкнул Николай Ильич. – Беспамятные балбесы. Мигом знакомиться с классом, а потом обедать. Проголодался я с вами.

Елена Геннадьевна засуетилась, бросилась переключать бумажки, прятать их, собирать ручки, рассыпанные по столу. И что она так нервничает?

– Пугают меня эти дети, – шепнула она Николаю Ильичу и покосилась в сторону мальчишек. – Не выкинули бы фортель какой?

– Я им выкину, – погрозил пальцем участковый, – под арест посажу. Домашний, – пояснил он.

Мальчишки переглянулись и шумно вздохнули. Только ареста им ещё и не хватало, им бы выбраться побыстрее. А наломать дров они могут запросто, ведь мир прошлого знают плохо.

– Как изучать историю-то будем? – вдруг резонно поинтересовался Сашка. – Ведь учебники про них, – он обвёл глазами кабинет, – ещё не написаны.

– Хм, а ты прав, как ни странно. Задача не из лёгких. Хотя, кажется, я знаю, – и Ваня обратился к директору: – Елена Геннадьевна, а у вас есть газеты?

– Газеты? Зачем тебе? Политинформацию провести решил?

– Эм-м, наверное. Доклад хотим подготовить о достижениях страны за последний год. Ну, и вдруг память вернётся.

– Вся пресса в библиотеке. Я вам покажу. После уроков зайдёте.

– Елена Геннадьевна, у меня дома этой прессы, хоть в макулатуру сдавай, я им насобираю за последнюю пятилетку, – хохотнул участковый.

– Не надо нам за пятилетку, – испугался Лопаткин, но Ваня его так ткнул в бок, что тот моментально замолчал.

Переговорив ещё пару минут и пообещав вернуться к обеду, участковый направился к выходу, а директриса повела мальчишек в кабинет напротив – знакомиться с классом.

Класс встретил новеньких молчанием. Пионеры лишь подняли головы и выжидательно разглядывали неожиданных гостей.

– Знакомьтесь, ребята, это Иван Смирнов и Александр Лопаткин. Они будут учиться с вами.

Наталья Владимировна, классный руководитель шестого класса, ошарашенно заморгала: её никто не предупреждал, что будет пополнение. Но вслух она ничего не сказала, а лишь перевела взгляд с мальчишек на директора и обратно. Потом нехотя пересадила пару хулиганов за другую парту, освободила место для новеньких прямо перед своим столом – пусть на виду будут незнакомцы, мало ли что выкинут.

– А что у них за странная обувь? – прервала неловкую паузу девочка с рыжим хвостиком. – И портфели тоже. Они иностранцы?

Елена Геннадьевна напряглась: обязательно ли детям знать правду? Но быстро поняла, что всё равно узнают, поэтому вздохнула и решительно выпалила:

– Они потеряшки. Мальчики городские, видно сразу, но ничего не помнят: амнезия. Жить будут у Николая Ильича. Знакомьтесь.

Она резко повернулась и вышла.

Мальчишки, озираясь, приземлились за парту и замерли. Им оставалось только ждать и наблюдать, лишней раз не открывать рот, больше слушать. Но на беду прозвенел вероломный звонок, и одноклассники в галстуках облепили потеряшек. Отныне их так и будут звать.

– Рассказывайте! – голосили они наперебой, а Сашка с Ваней только глаза тарашили и не издавали ни звука.

– Мы ждём.

– А что рассказывать? Мы ничего не помним, – наконец прокричал сквозь рой Ваня.

– Так не бывает! – отчеканила рыженькая Мира и, прищурясь, добавила: – Вы же помните, что из города.

– Да нет, – запинаясь, бубнил Сашка. – Это предположение.

И тут к Смирнову пожаловала гениальная идея! Он протянул руку к галстуку и спросил:

– Это что?

– Ты ненормальный? Галстук!

– А-а-а, – придурковато протянул он. – А это? – и ткнул в значок.

– Пионерский значок, – надулась рыженькая.

Остальные только шушукались и не вмешивались.

– А кто сейчас правит страной? – Ваня продолжил допрос. Вот же он, вот способ изучить хоть немного историю.

– В смысле правит? – подал голос шупленький пацан с лохматой шевелюрой. – У нас не монархия.

– Генеральный секретарь ЦК КПСС, – сверкнув недобро глазами, выпалила рыженькая, – Михаил Сергеевич Горбачёв.

– Чего? – округлил глаза Сашка. Сообразив, что вот-вот провалится, он так же туповато переспросил: – А он не президент?

Ребята снова загалдели, зафыркали и завозмущались. Наконец распахнулась спасительная дверь. Неужели она может и спасти, а не только глотать бедных детей?

В класс заглянул Николай Ильич.

– Шантрапа! – окликнул он. – Обедать пора. Айда покормлю борщом, потеряшки. Сам варил, – гордо добавил он.

Смирнов и Лопаткин как ужаленные соскочили с мест и вылетели в коридор, Сашка откинул с прохода шупленького мальчишку, оставив одноклассников недоумевать.

– Нда... Не к добру это, – пробурчал мрачный Вовка Комаров.

– Кто знает, кто знает, – то ли поддержал, то ли засомневался Витёк Шустриков.

Весь день не утихали споры, разговоры и догадки: кто эти потеряшки, откуда и что сулит их появление. Весть раскатилась по школе моментально, каждый делился крохами сведений и впечатлений и каждый пытался их склеить в картинку. И картинки получались одна диковинней другой. Это как тигру приклеить хобот, а слону кошачьи усики.

И только участковый был спокоен и немногословен. Он решил пойти простым путём: поживут у меня залётные, понаблюдаю и тихонько нащупаю да выведаю, раскачивая память.

Квартира его располагалась в кирпичном одноэтажном домике, который делили три семьи. У Ивана Ильича близкие разъехались, и ждал его с работы лишь рыжий котёнок по кличке Плут. Плут он оказался первостатейным: скакал по шторам, как белка по деревьям, носился по шкафам и столам, не брезговал даже кудрявой шевелюрой хозяина, обегая владенья.

Хотя владенья оказались довольно скромными – две комнаты обставлены самым необходимым: трехстворчатый лакированный шкаф, скрипучий диван, железная кровать, пара венских стульев и полированный столик. В каждой комнате одинаково, как под копирку. Кухня и того скромнее: русская печь, которой давно не пользовались, так как проведено центральное отопление, двухконфорочная плита, серый кухонный стол и вокруг четыре строганых табурета.

Над столом громоздился посудный шкаф в тон столу, а ревущий холодильник ютился у входной двери. Такие жилища видели мальчишки только в старых фильмах, современные квартиры давно обустроены куда изящней и дороже. Но выбирать не приходилось, хорошо хоть потешкам хозяин выделил отдельную комнату, которая даже запиралась на щеколду – можно припрятать временно вещи. В их комнате и портрет имелся – Николай Ильич в молодости.

– Я вам тут одёжу купил, пока вы на уроке сидели, – участковый подал бумажный свёрток. – Примеряйте.

– Быстро вы, – поразился Ваня.

– Так магазин рядом. А школьная одежда есть всегда. Вот гуляльную поискать придётся.

Мальчишки недоверчиво вскрыли свёрток и вытряхнули спортивные костюмы. Сашка швырнул их на кровать:

– Я такое носить не буду. Они же в обтяжку.

– И что? – Иван Ильич выпучил глаза.

– И я как-то не готов в этом выходить, – поддержал его Ваня.

Иван Ильич хохотнул:

– Привыкнете.

Ваня нехотя натянул костюм и ошалело разглядывал себя в зеркало.

– Как вообще в этом можно ходить?

Сашка хмуро глянул и отчеканил:

– А я не буду переодеваться.

– Ты как дитё в детсаду, честное слово, – хмыкнул участковый. – И убери ты эту верёвку с руки.

– Нет! – завопил Сашка. – Моё.

Он прижал руку с браслетом к груди и прошипел:

– Талисман не отдам.

Иван Ильич устало выдохнул и пристукнул по столу.

– Слушайте, бедокуры, сюда. В комнате найдёте газеты – читайте. Ходить на физкультуру будете, как полагается. Новомодные фотоаппараты и даже ключи сдаёте мне. Или приму вас за шпионов.

– Да не шпионская это техника, – буркнул Сашка. А Ваня только затылок почесал: что толку спорить.

Они стребли обновки и забрались в отведённую комнату. Лопаткин ещё какое-то время побубнил и успокоился. В углу пылились две высоких кипы газет – то, что и надо было ребятам.

– Какие названия странные, – Сашка взял в руки несколько номеров и стал рассматривать: – «Гудок», «Щит и меч», «Пищевая индустрия» аж сорок первый год! Я таких и не слышал.

– Смотри! – вскрикнул Ваня, – «Пионерская правда»! Она же и у нас выходит.

– Разве?

– Помнишь, мы были на собрании «Движения первых», и там выступал корреспондент «Пионерки», он ещё рассказывал, что ей сто лет исполнилось.

– Ааа, точно! – Санька хлопнул себя по лбу. – Надо же, вот бы нашим показать.

– Мы можем у Ивана Ильича попросить несколько номеров почитать, они ж ему не нужны.

Лопаткин обрадованно закивал и стал вытаскивать из кипы «Пионерскую правду». Если он принесёт на очередное собрание старинные газеты, то всех удивит! И его зауважают.

– Слушай, а ты фильмы про попаданцев смотрел? – неожиданно прервал Ваня его мечтания.

– Мало, не моя тема, – мотнул Саня головой. Он аккуратно сложил газеты и пристроил рядом на стул.

– Вот и зря. А я книгу недавно в машине у папы слушал. Там герой попал на какой-то остров сказочный, потому что делов натворил в нашем мире. И как только он исправился, его вернули.

– Хочешь сказать, мы тоже натворили что-то? А чего такого мы сделали?

– Мы подрались. Так?

– Ну, – неуверенно согласился Лопаткин.

– Что ну? А драться нельзя. Наверное.

– Возможно, – кивнул Сашка и неожиданно горько изрёк: – Я ведь не просто так дерусь и цепляюсь ко всем, вы же не дружите со мной. А я друзей хочу. Настоящих, как у Алисы в «Гостье из будущего» или у этого, как его? У Тимура!

– У какого Тимура? – растерялся Ваня.

– Ну, с командой. Задавали на литре читать, – Сашка потупился.

– Ты прочитал «Тимур и его команда»? Серьёзно? А я только краткое содержание. И «Гостью из будущего» читал? – не унимался Ваня.

– Читал. Прикольные книги. А «Гостья из будущего» правильно называется «Сто лет тому вперёд».

Смирнов озадаченно кивнул, мол, ладно, уговорил. А вслух сказал:

– Подытожим: дружить, не цепляться, не драться, не обзывать. Примитивно как-то, не? – он немного подумал и завопил: – Я понял! Учителя! Уважение к старшим.

– Чего? – тут Сашка совсем потерялся: причём здесь учителя, причём старшие?

– С Маргошей ты спорил? – Ваня помычал, словно вспоминая, – С Маргаритой Степановой. Так? Нагрубил ей. А это нехорошо.

– А чего она?

– Ничего. Она учитель. И она крутая.

Сашка кивнул.

– А настроение у всех бывает плохое, – продолжил Ваня. – Может, у неё случилось что.

Сашка вместо ответа вдруг протянул Ване руку. Тот от неожиданности сжал её до искр из глаз. Оба как взвоят, а потом хором:

– А где Ильич? Где Плут?

Мальчишки завертели головой, Плут только что сопел на их кровати, но его не было. И кровати тоже. Они лихорадочно пытались понять, что происходит. Но случилось что-то невероятное. Ни кота, ни скрипучего дивана, ни портрета участкового рядом не было. Вокруг громоздились стеллажи с книгами, пахло пылью, а ребята сидели на холодном полу и в современной одежде.

Ваня ухватился за одну из полок, пытаясь встать, но не рассчитал, и полка качнулась, книги с грохотом посыпались на мальчишек, а из глубины комнаты послышался странно знакомый голос:

– Это кто тут ещё? А-а-а, книги! Ловите книги!

Но поймать их было невозможно. Литературный град засыпал Сашку и Ваню. Чихая и охая, они выбрались из-под завала и увидели Элину Борисовну, библиотекаря родной школы. Ребята переглянулись и как заорут:

– Ураааааа! Получилось!

– Сейчас у вас получится! – прервала их крик Элина Борисовна и отчеканила: – А ну, быстро всё собрать. По алфавиту. Я показываю – вы ставите!

Да разве это сложно? У мальчишек столько радости, что они готовы всю библиотеку разобрать, перебрать и вымыть. Они дома!

Когда всё уладили, книги расставили, Ваня вдруг вспомнил последний разговор с Санькой.

– Элина Борисовна, а дайте мне «Тимура и его команду» и «Гостью из будущего».

Та недоверчиво глянула из-под очков:

– Обе? «Тимур» же для малышей, вы уже прошли Гайдара.

– Перечитать хочу, – стушевался Смирнов и тихо добавил: – эффект двери.

Когда ребята вышли из библиотеки, Сашка спросил:

– Что ты сейчас сказал? «Эффект двери»? Надо запомнить.

– Запомни, – пожал плечами Ваня. – А тебе не кажется, что слишком всё просто получилось?

– Да нет.

– А мне кажется. Подозрительно это. Так с попаданцами не бывает. Ладно, надо книги убрать. Стоп. А куда?

Санька затормозил от осознания непоправимого, он уставился на Ваню, готовый снова заорать.

– Рюкзаки! – хором завопили они.

Вот и первый подвох. Как они без учебников? Хорошо хоть телефон с собой. У Вани точно. А участковый, когда обнаружит пропажу мальчишек, обязательно перетрясёт содержимое. Вот попали.

– Давай думать, что было в рюкзаках, – Смирнов подался вперёд.

– Математика, литература, английский. У меня всё. Ну, пенал там. Жалко пенал, крутецкий.

– Плевать на пенал, – побелел Ваня, – учебники.

– Да купим новые, – Сашка отмахнулся и наморщил лоб.

Но Смирнов аж задохнулся от ужаса и бессилия:

– Ты не понимаешь! Они же... На них дата стоит! Год.

– Год... Точно. Теперь всё. Всё пропало. И телефон, – Сашка осел на пол. – Отец убьёт. Мальчишки притихли, собираясь с мыслями. Идеи в голову не шли. Ваня пробормотал:

– Давай думать, как забрать рюкзаки.

– С ума сошел? Бить будешь? Я туда больше не хочу, – попятился Лопаткин.

– Мы же вернёмся. А как ты ещё телефон получишь?

– Скажу, что украли.

– Поверят?

– Не факт, – пробормотал Сашка. – Накажут на месяц точно. Лишат компьютера, заставят полы мыть, посуду, картошку чистить. Ждёт тяжёлый месяц.

– А ты не моешь дома пол? И не чистишь картошку? – Ваня вскинул брови, разговор пошёл не в ту колею.

– Что я, больной? – хмыкнул товарищ. – Кстати, ты же должен всё про меня знать, ты же мысли научился читать.

– Разучился. Я не больной и не кривой, но готовлю вполне прилично, – отчеканил Ваня. – И картошку, и макароны с гуляшом.

– Да ладно? – усмехнулся Лопаткин, не поверив ни на грамм. – Так вообще бывает, ты seriously готовишь?

– А что такого? И блины пеку. Мы все по очереди моем и готовим.

– А мать на что? – К Лопаткину вернулось нахальное выражение лица.

– В смысле на что? Мама разве только для готовки? – Вот тут Ваня вскипел.

– Ну, не знаю, это её обязанности.

– А твои какие? Бред, – Ваня развернулся и пошёл к выходу.

Ему снова расхотелось общаться с Лопаткиным. Такой глупости он ещё не слышал. Неужели все одноклассники считают зазорным помогать по дому? Похоже на то. Но один плюс в ссоре с Лопаткиным есть: не нужно пытаться вернуться в прошлое, не нужно рисковать.

Подумаешь, учебники забыли, новые купит, у него остались деньги с подарочных, потратит на книги.

– Вань, ну ты чего? – окликнул его Сашка, догоняя. Он уже поверил, что появился друг. – Обиделся? На что?

– Отстань. Иди посуду помой, может, совесть отмоешь.

Смирнов хлопнул дверью, она отскочила и со всего маху ударила Сашке в лоб.

– Ай... – потонул в тёмных коридорах вскрик.

4

Не мужское это дело

В тёмном школьном коридоре сгрудились ребята: они обсуждали расписание на осень. С четырёхметровых потолков свет едва доходил до стендов, хвойно-зелёные стены, казалось, маскировали электрические потоки. Зато пространства было достаточно, чем некоторые дети и пользовались, гоня друг друга мятой бумагой или скомканной меловой тряпкой.

Сашка нервно сглотнул. Опять? Они снова в прошлом? Стоп, не они, а он! Где Смирнов? Лопаткин уже привычно завертел головой, но одноклассника не было. Точно. Это его дверью садануло по лбу, а Ваня остался в настоящем. Попал. Придётся одному выкручиваться. Он с досады как треснет по стене кулаком, аж батареи загудели.

– Ты в своём уме? – ребята у расписания обернулись. – Новенький, ты здоров?

– Николай Ильич, – заголосил кто-то, – тут новенький бузит!

– Тише, не ори! – цыкнул Сашка крикуну и машинально спрятал руки в карманы. – Я случайно, я разминку делал – спина затекла.

Он выдернул руки из карманов и стал нарочно махать руками, приседать, как на физкультуре, и не заметил, что из кармана выскользнула связка ключей и скрылась в чьём-то раскрытом портфеле, отдыхающем на полу. Шум, гвалт, звонок – разве услышишь? Ключи от дверей исчезли...

Тут Николай Ильич выглянул из кабинета, погрозил пальцем и захлопнул дверь. «И что он постоянно тут делает? – не понял Сашка. – Надо бы уж тогда пробраться в квартиру, хоть рюкзаки прихватить».

От хлопка дверью таблица с расписанием дёрнулась, сорвалась и упала под ноги Сашке. С чего бы это? Лист ведь крепко был пришпилен кнопками. Саня поднял его, пригляделся к расписанию, округлил глаза и рассмеялся:

– ОПТ? Вы что тут закупками занимаетесь? Торгуете? – спросил он.

Витька Шустриков оторопел:

– Какими закупками? Ты о чём?

– Вот же – ОПТ крупными буквами.

– ОПЭТэ – общественно-полезный труд. Что непонятного? Никогда на трудах не был?

Или вы в городе балду гоняете?

– Какую балду? А-а, нет, не гоняем. Но трудов у нас нет. Это я помню.

– «Тут помню, там не помню», – процитировал Витёк реплику из «Джентельменов удачи». – Так и знал, лентяи вы, – отмахнулся он.

– Почему лентяи?

– А кто вы ещё, если трудов нет? Труд делает человека человеком.

– Труд делает человека больным и грустным. А вы, можно подумать, такие все занятые и правильные, – хмыкнул Сашка. – От вас, наверное, родители скрывают, что детский труд запрещён?

Витёк Шустриков пожал плечами.

– Мы же для себя делаем. Мы вот картошку выращиваем, например. А потом эту картошку всю зиму едим.

– Закупить, что ли, нельзя? За что вы деньги платите? – Сашка искренне недоумевал.

Ребята окружили спорящих мальчишек и заинтересованно наблюдали, хихикая и тыча пальцем в чудаковатого новенького. Интересно, а где второй? Сейчас бы вдвоём они такого нагородили – живые анекдоты. Хотя про детский труд звучит обидно. Их школа располагается в пригороде, но по привычке всех, кто учится здесь, называют сельскими. И образ жизни здорово отличался от городского.

– Какие деньги? – не понял Витя.

– За обеды.

– Мы не платим за обеды, – расхохотались ребята.

– Это как натуральное хозяйство: что вырастил, то и ешь? – съязвил Лопаткин.

– Почти, – беззлобно рассмеялся Витька. – Картошку, огурцы, помидоры, лук – всё выращиваем. Ягоды и фрукты на компоты – тоже. Пожалуй, макароны да хлеб школа только и закупает.

– Фрукты на компоты они выращивают. Мне б ваши проблемы, – буркнул Сашка, вспоминая, что ему предстоит как-то выбираться из этого натурального хозяйства, да ещё и одному. Вот как отсюда сбежать? И почему он вернулся не в квартиру к Ильичу, а в школу? Где ключ к разгадке? Никаких зацепок... Зато опасностей застрять – полно.

– А у тебя что, серьёзные проблемы? – прервал Витька тревожные думы новенького. Он играл ключом от квартиры и испытывающе поглядывал на Сашку.

Сашка глянул на ключ, автоматически хлопнул себя по карманам – нет связки.

– Ключи. А где мои ключи? – пробормотал он с отчаянием. – Потерял.

– Где ты их видел последний раз? А от чего ключи? Ты же не помнишь ничего, – заторопила ребятня.

– Так я же вспомню когда-нибудь! – Лопаткин схватился за голову. – Там целая связка была.

«Может, они остались в джинсах дома?» – с надеждой подумал Сашка, но вспомнил: когда прятал руки в карманы, ключи были на месте. Все кинулись шарить по полу, по углам, заглянули за батареи, даже открыли печную заслонку, которая давно скучала без дела, – нигде нет.

– Ты не переживай, найдутся, – похлопал его по плечу местный здоровяк Эдик. – У нас некуда пропасть.

– А воры?

– Какие воров? Шутишь? Своё не бросай, чужое не бери, – благодушный Эдик развёл руками. – Да и чужим ключом не откроешь свой дом.

Сашка понял – снова он ляпнул не то, пытаюсь выкрутиться, ляпнул второй раз:

– Анекдот о проблемах знаете? *Вы говорите, «мне б твои проблемы»? Да забирайте! Самовывоз, регулярное пополнение ассортимента, возможен опт!* ОПТ, как у вас, представляете?

Лопаткин кисло улыбнулся, но ребята смотрели на него с непониманием.

– Вы что, смысл не уловили? – удивился Лопаткин и вздохнул. Оглядев одноклассников, он понял: не уловили. Снова вздохнул, потеревил ухо, потёр подбородок – нервы, одни нервы.

Совершенно не зная, как себя вести в этой среде, Сашка стушевался, закашлялся и с надеждой покосился на кабинет директора – дверь не шелохнулась. Дверь... Как открыть дверь домой? И где эти дурацкие ключи? Хоть спрашивай у всех подряд.

Тут из кабинета русского вынырнула ватага девчат, следом выглянула классная.

Сашка быстро ретировался в их сторону, подальше от насмешек вынужденных одноклассников, затерялся в женской толпе, а потом и вовсе отодвинулся в глухой угол.

– Наталья Владимировна, за что она так нас? – выпалила с жаром маленькая девчушка, видимо, жалуясь. – Орёт и орёт. Делать ничего не хочется. Все её боятся, даже учителя.

Классная ухмыльнулась: коллега действительно держит в страхе всю школу. Почти.

– Я поговорю с Прасковьей Павловной, – заверила она и для эффектности затянула ремень на пиджаке, словно показывая решимость и строгость. – Завтра пойдёте на лёгкую работу – картошку из подполья вынимать.

«Лёгкую? – изумился Лопаткин. – Лазить в подполье у них радость? Во дела...»

– Так она не отпустит нас! – подхватила рыженькая Мира и от досады топнула ногой.

– Куда денется? Ещё уговаривать будет, – подмигнула классная и вернулась в кабинет, прикрывая за собой дверь и давая понять, что ей не до разговоров.

Девчонки отошли от Натальи Владимировны в полном недоумении и зашептали:

– Наталья Владимировна совсем её не боится, что ли? Вот смелая, – пролепетала всё та же маленькая девчушка. – Да, Таньк?

Танька пожалала плечами и неожиданно заявила:

– А я вот не пойду в подполье, я не хочу волосами грязь подметать.

– А лопатой грязь месить хочешь? – удивилась Аля Зайкина. – Да и волос у тебя почти нет.

Татьяна пренебрежительно цокнула языком.

– У меня модная стрижка, в отличие от вас. И вообще, – она гордо вскинула подбородок, – я высокая, сильная, копать не сложно.

Таня Петрова и впрямь отличалась ростом – вымахала выше всех в классе, даже из мальчишек её перегнал только Эдик. Кажется, теперь и Сашка в этой компании, для своего возраста он почти богатырь.

Лопаткин стоял поодаль и вслушивался в болтовню подружек, надеясь поймать хоть какую-то подсказку для выхода из прошлого. Да что там выхода! Убегания, улёпётывания наутёк. Навсегда. Подальше. «У-у-у», – взвыл Сашка. Мысли скакали. А может, это девчонки ключи стащили? Они же блестят, а девчонки любят блестящее.

Девочки заметили внимание и замолчали: кто знает, что ожидать от этих чудаковатых новеньких. Прижались к массивным батареям и поникли.

– О чем шушукались? – поинтересовался Лопаткин. – Работать лень? Понимаю. Вот у нас в школе нет такого рабства. Попробовал бы кто заставить хотя бы пол в классе вымыть, сразу бы вылетел из школы. Для этого есть обслуживающий персонал.

– Память вернулась, – фыркнула Петрова.

– Что ты сказал? – рядом возникла сухонькая женщина с тряпкой в руке. – Ты это кого имеешь в виду, беспамятный?

– Поломоек, – пожал плечами Сашка. – Вы ведь поломойка? Вы не видели мои ключи?

– Ключи не видела, – техничка сгребла швабру. – Но мы не обслуживающий персонал, а технический. А ты поди и тряпку в руках не держал никогда?

– А зачем? – удивился Лопаткин и в испуге попятился, придумывая отвлекающий манёвр. – Девчата, а вы знаете, что такое спиннер? Нет? Как жаль, – Сашка махнул в сторону и дёру! Два прыжка, нога в ведре, звон, грохот, и он скользит по разлитой воде, растопырив руки и считая носом половицы.

Женщина поморщилась.

– Вот и помыл пол. А дома не помогаешь маме? Или считаешь, что это женские обязанности?

– Да, это не мужское дело, – хлопнул носом Лопаткин, поднимаясь из лужи. Вода с него текла, как с кота после дождя.

– А какие делаешь мужские дела? – техничка стянула платок, подбоченилась и двинулась на Сашку, в вытянутой кофте и старой широкой юбке она напоминала известного сказочного персонажа. – Ты молотком да топором орудуешь? – прошипела она. – Может, машину для уборки нам соорудишь?

– В смысле?

– В коромысле. За собой убрать не надо?

Девчонки, стоящие рядом, только рты зажимали, готовые расхохотаться. А словесная дуэль между техничкой Лидией Ивановной и Лопаткиным приобретала нешуточный оборот.

– Так вы уберёте. Нет? – Саня растерялся, но продолжил: – А мужские дела? Ну мы же не в каменном веке живём, за мясом по лесам бегать не надо, дрова рубить тоже.

– То есть мужская работа нынче телевизор смотреть?

Сашка шмыгнул носом и стряхнул капли с чёлки:

– Мозгами работать, я не старик, чтобы у телека сидеть.

– И что, наработал мозг? – завелась техничка, раскручивая тряпку.

Сашка подался назад. Сейчас, чего доброго, огреет этим грязным рваньём. Но отреагировать не успел – по коридору прокатилось эхо:

– Кто сказал «дрова рубить»? – Из кабинета выглянула Прасковья Павловна, учительница, которая по совместительству вела общественно-полезный труд. Была она женщиной крупной и громогласной. – Надо дрова рубить. У нас тут бабушка есть одна, совсем старенькая, вот и отправлю вас на подмогу, раз так рвётесь.

Упс. Сашка мигом понял – не отвертеться, он стоял ошарашенный, даже слова не мог выговорить. Потянуло сквозняком, и тотчас пробил озноб. Дверь приоткрылась? Бежать? Но тело оцепенело, и он прохрипел:

– Как рубить?

– Колунами, – как отрезала Прасковья Павловна. – Колун выдам, дорогу покажу. Справитесь?

– Я не справлюсь! – завопил Лопаткин.

– Больше уверенности! – Техничка расхохоталась – ей теперь долго прохаживаться с тряпкой по коридору из-за потеряшки, разлившего воду.

– Я и уверен, что не справлюсь! А выдадите нам что? – не понял Лопаткин.

– Колуны. А-а-а, ты же городской, – сообразила Прасковья Павловна. – Колоть, значит, не умеешь?

– Нет, – обрадовался городской, да раньше времени.

– Научим, – простодушно добавила учительница, но глянула так, что внутри похолодело. Она махнула рукой и вернулась в кабинет. Только её крупная фигура осталась перед глазами грозным напоминанием.

Техничка усмехнулась и подмигнула, намотала тряпку на швабру и тихонько проговорила:

– Эх, шалопай, всё я про тебя знаю. Всё. – Крутнула швабру, словно метлу и добавила: – Не научился ты ещё замки открывать от этой жизни.

«Что она бормочет? Какие замки? Что она знает?» – Лопаткина жаром обдало.

– Бабушка, постойте, вы о чём?

– Бабушке полы надо мыть, не путайся под ногами, а то тряпкойогрею, – нахмурилась техничка и щёлкнула по полу шваброй.

Девчонки прыснули от смеха, уже не в силах сдерживаться:

– Довыпендривался? Лидия Ивановна тебе покажет. Ещё и мыть вместо неё заставит, а Прасковья Павловна нагрузку даст – чурки колоть.

– Не переживай, мы научим, – сощурилась Аля, самая маленькая из класса.

– Уж не ты ли научишь? – не поверил Саня и тоже расхохотался.

– Смейся-смейся, – ничуть не обиделась Зайкина, – хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. А колуном работать я ещё с прошлой осени умею благодаря дедушке.

– Колун – это топор, что ли? – решил уточнить Сашка.

– Почти. Он ещё немного похож на тяжёлый молоток, только один конец заострён.

– Почему немного?

– Потому что колют сила и ловкость, а не лезвие, – философски заключила Аля.

– Как у вас всё сложно, – вздохнул Сашка и передёрнул плечами: холодно в сырой одежде. – Я б лучше под тёплое одеялко.

– Ага, как в том анекдоте. Ты ведь любишь анекдоты? – с насмешкой спросила Петрова: *Идёт Петька по улице и видит, как Вовочка сидя дрова рубит. Спрашивает:*

– Почему ты сидя дрова рубишь?

Вовочка:

– Лежа пробовал – не получается.

– Лёжа... Да у вас тут рабовладельческий строй какой-то, – разозлился Лопаткин.

– Не делай из мухи слона, – отмахнулась Аля.

– Да, береги мух! Слоны у нас не приживутся, – хмыкнула Танька.

В конце коридора елозила шваброй Лидия Ивановна и с подозрением посматривала на компанию. А веснушчатая Мира со вздохом только отмахнулась:

– Вы, потеряшки, такие странные, вечно что-то непонятное городите.

– Мы странные? А ты? Что у тебя за имя такое – Мира?

Та пожала плечами.

– Обычное имя. Означает «мир».

Санька погладил подбородок и тоном эксперта изрёк:

– Девчонка ты, конечно, симпатичная, но на мирную не тянешь. Я бы сказал, дёрганая. Вон как топнула, когда жаловалась классной.

– Я? Дёрганая? – завопила рыженькая, замахиваясь портфелем на обидчика.

– Вот! Я же говорил, – хмыкнул Сашка, но не шелохнулся, а продолжил стоять, прислонившись к стене и сложив руки на груди, даже улыбаться перестал. Он рассматривал новую одноклассницу и не понимал сам себя: в ней вдруг промелькнуло что-то далёкое и знакомое. С ней захотелось поговорить. Возможно, даже рассказать всю правду. И пусть она дерётся портфелем, всё равно хотелось. Что за глупости? Он что, влюбился? Только этого не хватало! Ей, наверное, в наше время уже к пятидесяти. Что? Саньку как ошпарило от такой мысли.

– Говори-говори, да не заговаривайся, – Мира неожиданно остыла, словно прочитав мысли новенького. – Скажи спасибо, что я пионерка. А пионерам не пристало драться.

– Пионэрка. А чё не комсомолка? – передразнил Лопаткин. – Ладно, мир? – и он протянул руку, беззлобно улыбаясь.

Девочка испуганно пожала её и отодвинулась. А стоявшая рядом Танька Петрова прицокнула языком:

– Ты ку-ку? Какие в двенадцать лет комсомольцы?

– Чего сразу «ку-ку»? Откуда я знаю ваши порядки? У нас нет комсомольцев.

Сашке тут же показалось, что Ваня, которого и в помине рядом нет, зыркнул на него взглядом демона. Он опомнился и запричитал:

– Я пошутил, чего вы? Я же память потерял.

На лице Али застыло недоумение, она не слышала оправданий. Как может не быть пионеров и комсомольцев?

– Как нет? – пролепетала она.

– А вот так, – буркнула техничка в ответ и махнула тряпкой, – двинься.

А Лопаткин засуетился:

– Просто я хулиган, меня не приняли. Разве не похоже?

Петрова закатила глаза и поправила расчёской модную «аврору». А Саша нервно сглотнул.

– Вы расскажите. Вдруг я исправлюсь, через годик и примут.

– А не поздно через годик-то? – Зайкина снова что-то заподозрила. – До четырнадцати пионеры, а там и в комсомол.

Девочки смотрели на Сашку, как на умалишённого: опять нелепые вещи болтает.

Вдруг скрипнула какая-то дверь и подуло. Подозрительный холодок пробрался под рубашку. Лидия Ивановна грохнула шваброй по полу, и холодок исчез.

– Рано ещё, – пробубнила она, а Саша уткнулся взглядом в пол. Какой странный здесь пол: широченные коричневые доски, а между ними щели. Доски постоянно скрипят и пугают.

Его размышления прервала Прасковья Павловна, возникшая из ниоткуда. Она принесла благую весть: колка дров отменяется и заменяется копкой картофеля. Пока нет дождей, надо успевать. Через час уже весь шестой класс месил глину на школьном поле, Наталья Владимировна даже поговорить с Прасковьей Павловной не успела.

Хорошо, что у Сашки одежда подсохла, – не простынет. А вот зацепок, как вернуться домой, пока ни одной. Зато пропали ключи и появилась эта проблемная техничка.

5

Здесь вам не офис

– Не топчись по картошке! Копнул – отходи. А ты чего не шевелишься? Собирай живей! – Прасковья Павловна голосила на всё картофельное поле, бегая вдоль и поперёк.

Эту тучную высокую женщину боялись все, уж больно грозная была учительница. Даже одевалась всегда в тёмное – облачалась в плотный терракотовый свитер и юбку-карандаш в едва заметную клетку. Вела она несколько предметов: физику, математику и общественно-полезный труд: гоняла детей то на школьное поле, то в сад, то в колхозные уголья поднимать лён или собирать кормовую свёклу, иногда отправляла и на птицеферму кормить куриц. Хорошо работать в саду: набрал норму ягод или фруктов, остальное можешь хоть есть, хоть домой в корзиночку укладывать. Неплохо и на лён ездить да на свёклу – можно денег заработать. Но осенью ещё приходилось и картошку копать. И всё бы ничего, да земля тяжёлая – суглинок. Махали лопатой все: и мальчишки, и девчонки начиная с шестого класса. Но собирали картошку только девочки. В дождливую погоду попробуй выколупай из глины клубни. А надо. Поэтому все стремились попасть не на поле, а в подполье: весной вынимать посадочную, осенью принимать едовую. И неважно, что подполье высотой около метра и там надо ползать, главное, не ковыряться в сырой глине. Девчонки ещё и дурачились – пылещу поднимали, как в шахте.

Лопаткин мучил землю и бурчал, вспоминая какой-то известный фильм:

– Здесь вам не офис. Здесь всем плевать, кем ты был до этого: маркетологом, банкиром, менеджером или фрилансером, здесь ты – никто. Копай. Это картошка.

Никто, разумеется, Лопаткина не понимал. Для ребят он – снова бормотание на непонятном языке.

– Эй, Саня, а давай наперегонки? Ты тут хвастался мускулами, мол, самый сильный. Вот и посмотри, кто больше картошки накопает.

Лопаткин лопату держал впервые и мускулами не хвастался, но вызовы принимал. Он же сильный? Сильный. Значит, справится? Справится. А что тут сложного – ковыряй да ковыряй землю.

– Не вопрос. Погнали на раз, два, три? – кивнул он.

– Три! – крикнул Эдик Конев, и мальчишки набросились на поле.

Какое-то время дело шло энергично, картофельные рядки стремительно уменьшались. Но вот Сашке было непонятно, чего ради так стараться?

– Вы так стараетесь, будто эта грязь лечебная, – пробурчал он.

– Балабол, – осадил Эдик Лопаткина, – ты доумничаешься, руки оторвёшь или Прасковью накликаешь.

Сашка испуганно оглянулся, запнулся о лопату и полетел в грязь, размазывая её по физиономии. Вот везёт сегодня! В прошлое попал один, на испытательный ОПТ отправили, с ребятами общий язык найти не может...

Вдруг из капусты, что кучерявилась на ближней полосе, показалась голова Ваньки Смирнова.

– А-а! Ты откуда? Из капусты? – завопил Саня, выбираясь из лужи.

– Прогуливал, – раздался голос, – вы оба безответственные.

Но ответить Ваня не успел. Рядом возникла математичка-трудоличка, она громко дышала, раздувая ноздри:

– Что ты там глину молотишь, непуть! А ну, вылазь. Оба прогульщика в строй!

Но Сашка, как назло, поскользнулся снова и снова. Плюхался в глину, пока Ваня не вытянул его за руку. Хохот стоял над полем наибоиднейший.

– Так нельзя с учениками, это уголовно наказуемо, – Сашка не к месту вспомнил уроки права и тут же получил по лопате. Прасковья Павловна пнула черенок так, что инструмент полетел прямо в ту самую лужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.